

Мопассан Ги де

**Полное собрание сочинений Гюи
де-Мопассан**

Том 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Г46

Г46 **Ги де М.**
Полное собрание сочинений Гюи де-Мопассан: Том 5 / Мопассан Ги де — М.: Книга
по Требованию, 2023. — 262 с.

ISBN 978-5-519-97330-4

ISBN 978-5-519-97330-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

I.

Обширная мастерская освѣщалась открытымъ окномъ въ потолокъ. Это былъ большой четырехугольникъ блистающаго, голубого свѣта, ясное раскрытіе въ безконечную даль лазури, гдѣ чертились быстрые птичьи полеты.

Но, войдя въ высокую комнату, задрапированную и суровую, радостная небесная ясность слабѣла, смягчалась, дремала на матеріяхъ, замирала въ портьерахъ, едва мерцала въ темныхъ углахъ, гдѣ только золоченыя рамы сверкали, какъ огни. Тишина и сонъ, мнилось, заключены здѣсь, тишина обители, созданной для художника, тишина, въ которой творитъ душа человѣка. Въ этихъ стѣнахъ, гдѣ обитаетъ мысль, гдѣ трепещетъ она въ страшныхъ усиліяхъ, все казалось въ истомѣ и въ изнеможеніи, потому-что эта мысль затихла. Все кажется мертвымъ послѣ этихъ кризисовъ жизни,—и все успокоено: мебель, матеріи, портреты знаменитостей на недописанныхъ полотнахъ, — словно весь домъ истомленъ усталостью хозяина, и страдаетъ вмѣстѣ съ нимъ, участвуя каждый день въ непрерывной борьбѣ.

Струился тяжелый, неопредѣленный запахъ краски, терпентина и табака, впитавшійся въ кресла и обои; и никакой иной звукъ не колебалъ тяжкаго молчанія, кромѣ живыхъ и краткихъ вскриковъ ласточекъ надъ открытымъ окномъ, да еще долгій, смутный ропотъ Парижа

едва доносился изъ-за кровель. Въ неподвижной тишинѣ только одно за другимъ голубыя дымныя облачка возносились къ потолку отъ папироски, которую курилъ, не выпуская изъ рта, Оливье Бертэнъ, растянувшись на своемъ диванѣ.

Глядя въ далекое небо, онъ искалъ темы для новой картины. Что онъ сдѣлаетъ? Ничего еще не зналъ объ этомъ. Онъ же и не былъ художникомъ рѣшительнымъ и самоувѣреннымъ; его безпокойное, неопредѣлившееся вдохновеніе непрерывно колебалось между всѣми проявленіями искусства. Богатый, знаменитый, завоевавшій всѣ почести, къ концу своей жизни онъ чувствовалъ себя человѣкомъ, который не знаетъ твердо, къ какому идеалу онъ шелъ. Онъ получилъ римскую премію, защищалъ традиціи, возсоздавалъ, какъ и многіе до него, великія историческія событія; потомъ, модернизировавъ свои тенденціи, онъ, все еще полный классическихъ воспоминаній, писалъ современниковъ. Интеллигентный, восторженный, упрямый работникъ измѣнчивой мечтѣ, плѣненный своимъ искусствомъ, которымъ онъ владѣлъ на рѣдкость, человѣкъ утонченнаго ума, онъ достигъ замѣчательнаго совершенства въ исполненіи и великой гибкости таланта, рожденной отчасти въ его колебаніяхъ и попыткахъ во всѣхъ жанрахъ. Можетъ быть, и незапный энтузіазмъ свѣта къ его твореніямъ, элегантнымъ, изысканнымъ и совершеннымъ, повліялъ на него и помѣшалъ ему быть такимъ, какимъ ему по природѣ слѣдовало сдѣлаться. Послѣ перваго триумфа желаніе нравиться всегда безотчетно его волновало, измѣняло втайнѣ его путь, ослабляло его убѣжденія. Это желаніе нравиться притомъ же выражалось у него подъ всѣми формами и много содѣйствовало его славѣ.

Пріятность его манеръ, всѣ привычки, заботы о себѣ, его давняя репутація сильнаго и ловкаго человѣка, искуснаго фехтовальщика и наѣздника, составляли для его возрастающей знаменитости кортежъ маленькихъ примѣ-

чательностей. Послѣ Клеопатры, перваго, нѣкогда его прославившаго, полотна, Парижъ внезапно влюбился въ него, избралъ, прославилъ, и онъ вдругъ сталъ однимъ изъ этихъ блестящихъ свѣтскихъ художниковъ, которыхъ встрѣчаешь въ Булонскомъ лѣсу, которые приглашаются во всѣ салоны, которыхъ Институтъ принимаетъ еще молодыми. Онъ вошелъ туда, какъ побѣдитель, признанный всѣмъ городомъ.

Такъ привела его судьба къ началу старости, лелѣя его и лаская.

И вотъ, подъ вліяніемъ прекраснаго дня, ощущая его далекую ясность, онъ искалъ поэтической темы. Слегка отяжелѣвъ отъ папироски и отъ завтрака, онъ мечталъ, глядя въ небо, рисуя въ лазури быстрыя фигуры,—граціозныхъ женщинъ на лѣсныхъ дорогахъ или на тротуарахъ,—влюбленныхъ на берегу рѣки,—изящныя фантазіи, веселящія его мысль. Въ небѣ рисовались измѣнчивые образы, неопредѣленные и подвижные въ красочной галлюцинаціи его зрѣнія; а ласточки, пронзая пространство летомъ непрерывно бросаемыхъ стрѣлъ, казалось, хотѣли ихъ зачеркнуть, словно чертами пера.

Онъ ничего не находилъ! Каждая изъ прошедшихъ передъ нимъ фигуръ была похожа на то, что онъ создавалъ раньше; всѣ явившіяся ему женщины были дочери или сестры тѣхъ, рожденныхъ его художественнымъ капризомъ; и боязнь, еще смутная, одолѣвавшая его уже съ годъ, боязнь выдохнуться, завершить кругъ своихъ темъ, истощить свое вдохновеніе, стала явною отъ этого смотра, отъ этого безсилія мечтать о новомъ, открыть невѣдомое.

Онъ лѣниво поднялся поискать въ своихъ папкахъ среди заброшенныхъ набросковъ, не найдется-ли тамъ что-нибудь, что натолкнетъ его на идею.

Не переставая курить, онъ принялся перебирать эскизы, наброски, рисунки, которые онъ держалъ подъ замкомъ въ большомъ старинномъ шкапу; но скоро ему

наскучили эти тщетные поиски, и душа его была окочена усталостью,—онъ бросилъ свою папироску, и, насвистывая модную шансонетку, нагнулся и вытащилъ изъ-подъ кресла тяжелыя гири.

Поднявъ другою рукою драпри, вуалировавшее зеркало, которое ему служило для контролированія точности позъ, для провѣрки перспективъ, онъ сталъ къ нему лицомъ и, смотрясь въ него, началъ жонглировать.

Онъ прославился въ мастерскихъ своею силою, потомъ въ свѣтѣ своею красотою. Теперь грузъ его возраста отяжелилъ его. Высокій, широкоплечій, широкогрудый, онъ обзавелся изряднымъ животомъ стараго борца, хотя продолжалъ ежедневно фехтовать и неутомимо ѣздить верхомъ. Голова оставалась замѣчательно красивою, какъ и прежде, хотя и другою красотою. Сѣдые волосы, густые и короткіе, отбѣняли живость его черныхъ глазъ подъ широкими сѣдыми бровями. Его длинные, какъ у стараго солдата, усы оставались почти черными, и придавали его лицу рѣдкій характеръ энергіи и гордости.

Онъ стоялъ передъ зеркаломъ, сдвинувъ каблукъ, выправивъ станъ, и легко двигалъ чугунные шары, и ему было радостно слѣдить за спокойными и могучими усиліями своихъ мускулистыхъ рукъ.

Но вдругъ въ глубинѣ зеркала, гдѣ отражалось все ателъе, онъ увидѣлъ, какъ зашевелилась портьера; потомъ показалась женская голова, только голова,—показалась, посмотрѣла. Голосъ сзади него спросилъ:

— Здѣсь?

Онъ отвѣчалъ, оборачиваясь назадъ:

— Да, здѣсь.

Потомъ, бросивъ свои гири на коверъ, онъ побѣжалъ къ двери съ гибкостью, немного форсированною.

Вошла дама въ свѣтломъ платьѣ. Когда они пожали другъ другу руки, она спросила:

— Вы упражняетесь?

— Да,—сказалъ онъ,—я любовался собою, какъ павлинъ, и тутъ то вы меня и накрыли.

Она засмѣялась и отвѣтила:

— У вашего консьержа было пусто, а такъ какъ я знаю, что въ этотъ часъ вы всегда одни, то я и вошла безъ доклада.

Онъ посмотрѣлъ на нее.

— Чортъ возьми! Какъ вы прекрасны! Что за шикъ!

— Да, это новое платье, не правда ли, красивое!

— Прелесть! Какъ гармонично! Вотъ можно сказать, что теперь имѣють чутье къ нюансамъ!

Онъ расхаживалъ вокругъ нея, щупалъ матерію, концами пальцевъ измѣнялъ порядокъ складокъ, какъ человѣкъ, знающій толкъ въ дамскихъ платьяхъ,—и въ это время становилось понятно, что въ теченіе всей его жизни его художническая мысль и его мускулы атлета были согласно направлены на то, чтобы тонкою кистью изображать моды, измѣнчивыя и хрупкія, открывать дамскую грацію, закрытую и плѣненную кирасами изъ бархата и шелка или снѣжностью кружевъ.

Наконецъ, онъ объявилъ:

— Это очень удачно. Къ вамъ идетъ чрезвычайно.

Ей было пріятно, что ею любятъ, что она красива и нравится ему.

Уже не молодая, но еще красивая, не очень высокая, нѣсколько наклонная къ полнотѣ, но свѣжая, съ тѣмъ блескомъ, который зрѣлость придаетъ сорокалѣтнему тѣлу, она была, какъ одна изъ тѣхъ розъ, которыя цвѣтутъ непрерывно все пышнѣе, пока, отягощенные пышностью цвѣтенія, онѣ не осыпятся въ теченіе одного часа.

Свѣтловолосая, она сохранила живую и юную грацію парижанокъ, которыя не старѣють, которыя носятъ въ себѣ удивительную силу жизни, неистощимый запасъ стойкости, и которыя въ теченіе двадцати лѣтъ остаются такими же неувядающими и торжествующими, заботясь болѣе всего о своемъ тѣлѣ и бережно охраняя свое здоровье.

Она подняла вуаль, и шепнула:

— Ну что-жъ, меня не поцѣлуютъ?

— Да я курилъ,—сказалъ онъ.

Она сдѣлала гримаску:

— Фу!

Потомъ, протягивая свои губы, сказала:

— Тѣмъ хуже.

И уста ихъ встрѣтились.

Онъ взялъ ея зонтикъ, и снялъ съ нея весенній жакетъ движеніями быстрыми и вѣрными, привычными къ этому сближающему дѣйствию. Когда она потомъ сѣла на диванъ, онъ участливо спросилъ:

— Какъ вашъ мужъ?

— Отлично. Онъ теперь, должно быть, говоритъ въ Палатѣ.

— Ага! о чемъ?

— О, безъ сомнѣнія, какъ всегда, что-нибудь о свеклѣ или о рѣпномъ маслѣ.

Ея мужъ, графъ де-Гилльруа, депутатъ отъ департамента Эры, сдѣлалъ своею спеціальностью вопросы земледѣлія.

Замѣтивъ въ углу эскизъ, котораго она не знала она прошла къ нему черезъ все ателье, спрашивая:

— Что это такое?

— Пастель, которую я началъ, портретъ княгини де-Контевъ.

— Знаете,—сказала она серьезно,—что если вы опять начнете писать дамскіе портреты, я кончу съ вашимъ ателье. Я знаю слишкомъ хорошо, куда она ведетъ, эта работа.

— О!—сказалъ онъ,—два раза не напишешь портрета Ани.

— Очень надѣюсь.

Она разсматривала начатую пастель, какъ женщина, которая понимаетъ въ искусствѣ. Она отошла, приблизилась, сдѣлала абажуръ изъ своей руки, нашла

мѣсто, откуда эскизъ былъ лучше на свѣту, потомъ похвалила.

— Пастель очень хороша. Вообще пастель вамъ удастся.

Польщенный этимъ, онъ тихо сказалъ:

— Вы находите?

— Да, это деликатное искусство, для котораго надо имѣть много вкуса. Это не для маляровъ.

Уже двѣнадцать лѣтъ она поощряла его тяготѣніе къ изящному искусству, воевала противъ его возвращенія къ простому реализму, и со свѣтскою элегантною толкала его къ своему идеалу граціозности, немножко манерной и искусственной.

Она спросила:

— Какая она, княгиня?

Ему пришлось дать ей тысячи деталей всякаго рода, переходя отъ туалета къ уму, этихъ мелочныхъ деталей, которыми такъ наслаждается ревнивое и тонкое любопытство женщины.

И внезапно:

— Она кокетничала съ вами?

Онъ смѣялся и божился, что нѣтъ.

Тогда, положивъ обѣ свои руки на плечи живописца, она внимательно смотрѣла на него. Страстность вопроса заставила задрожать круглый зрачекъ среди голубой радужной оболочки, усѣянной крошечными черными точками, какъ мельчайшими брызгами чернилъ.

Она опять спросила:

— Правда, не кокетничаетъ?

— Ну, конечно.

Она прибавила:

— Я спокойна, впрочемъ. Вы ужъ никого больше не полюбите. Кончено, кончено для другихъ. Слишкомъ поздно, бѣдный мой другъ.

Онъ почувствовалъ тотъ легкій мучительный трепетъ, какимъ трепещетъ сердце зрѣлыхъ людей, когда имъ говорятъ объ ихъ возрастѣ, и тихо сказалъ:

— Сегодня, завтра, какъ вчера, не было и не будетъ въ моей жизни, никого, кромѣ васъ, Ани.

Тогда она взяла его руку, и вернувшись къ дивану, посадила его рядомъ съ собою.

— О чемъ вы думали?

— Я ищу темы для картины.

— Какой-же?

— Не знаю, я потому и ищу.

— Что вы дѣлали всѣ эти дни?

Ему пришлось рассказать ей обо всѣхъ своихъ по-сѣтителяхъ, объ обѣдахъ и вечерахъ, о разговорахъ и о сплетняхъ. Впрочемъ, оба они интересовались всѣми этими пустыми и мелочными событіями свѣтскаго существованія. Маленькое соперничество, связи, знаемыя или подозрѣваемые, сужденія, всегда готовые, тысячу разъ сказанныя, тысячу разъ слышанныя, о тѣхъ же самыхъ лицахъ, тѣ же самыя происшествія и тѣ же самыя мнѣнія, уносили и погружали ихъ умы въ ту рѣку, мутную и волнующуюся, которая называется парижскою жизнью. Зная всѣхъ, принятые вездѣ, онъ, какъ художникъ, передъ которымъ открыты всѣ двери, она, какъ эlegantная жена депутата консерватора, они изошрились въ этомъ спортѣ тонкой французской болтовни, плоской, вѣжливо-злаязычной, безплодно-остроумной, вульгарно-изысканной, которая даетъ особенную и очень завидную репутацію тѣмъ, чей языкъ особенно способенъ къ этому пустому злаязычію.

— Когда вы у насъ обѣдаете?—спросила она вдругъ.

— Когда вы захотите. Назначьте сами день.

— Пятница. У меня будутъ герцогиня де-Мортмэнъ, Корбели и Мюзадье, чтобы отпраздновать возвращеніе моей дочери, которая пріѣзжаетъ сегодня вечеромъ. Но не говорите объ этомъ. Это секретъ.

— О, конечно, я приду. Я буду очень радъ опять увидѣть Анету. Я не видѣлъ ея уже три года.

— Вѣрно! Уже три года!

Анета воспитывалась сначала въ Парижѣ у своихъ родителей; потомъ она стала послѣднею и страстною привязанностью своей бабушки, г-жи Параденъ, которая, почти слѣпая, жила круглый годъ въ имѣніи своего зятя, въ замкѣ Ронсьеры, въ департаментѣ Эръ. Мало-по-малу старуха задерживала у себя ребенка все болѣе и болѣе, а такъ какъ семья де-Гилльруа проводила почти половину своей жизни въ этомъ помѣстьи, куда ихъ призывали безпрестанно интересы всякаго рода, земледѣльческіе и избирательные, то кончилось тѣмъ, что только время отъ времени стали привозить въ Парижъ дѣвочку, которая, впрочемъ, предпочитала свободную и подвижную жизнь въ деревнѣ замкнутой жизни въ городѣ.

Уже три года она даже ни разу не была въ городѣ, такъ какъ графиня предпочитала держать ее совершенно вдали отъ города, чтобы не будить въ ней новыхъ вкусовъ раньше дня, назначеннаго для ея выступленія въ свѣтъ. Графиня де-Гилльруа отправила къ ней туда двухъ гувернантокъ съ отличными дипломами, и участила свои поѣздки къ матери и дочери. Пребываніе Анеты въ замкѣ было, впрочемъ, почти необходимо изъ-за старой бабушки.

Прежде Оливье Бертэнъ каждое лѣто ѣздилъ мѣсяца на полтора или на два въ Ронсьеры, но уже три года, какъ его изъ-за ревматизма посылали на воды далеко, и эти поѣздки настолько подогрѣвали его любовь къ Парижу, что ему уже не хотѣлось снова уѣзжать, когда онъ возвращался. Сначала было рѣшено, что молодая дѣвушка вернется только осенью, но внезапно у отца сложился проектъ выдать ее замужъ, и онъ ее вызвалъ, чтобы она теперь же встрѣтила того, кого онъ ей намѣтилъ въ женихи, маркиза де-Фарандаля. Эта комбинація, впрочемъ, держалась въ большомъ секретѣ, и одному Оливье Бертэну довѣрила ее графиня де-Гилльруа.

Онъ спросилъ:

— Значитъ, мысль вашего мужа приводится въ исполненіе?

— Да, по моему, это очень счастливая мысль.

Потомъ они заговорили о другомъ.

Она вернулась къ живописи, и хотѣла уговорить его написать Христа. Онъ отказывался, увѣряя, что уже много такихъ картинъ; но она настаивала, горячилась, выходила изъ себя.

— О! если бы я умѣла рисовать, я бы вамъ показала мой замыселъ; это было бы очень ново, очень дерзко. Его снимаютъ съ креста, и человѣкъ, который освободилъ ему руки, замедлилъ поддержать верхъ его тѣла. Оно падаетъ прямо на толпу, которая протягиваетъ руки, чтобы взять его и нести. Вы понимаете?

Да, онъ понялъ; онъ даже нашелъ эту концепцію оригинальною; но онъ чувствовалъ въ ней вѣяніе современности. Глядя на свѣсившуюся внизъ ногу своей полулежащей на диванѣ подруги, ногу, обутую въ нарядный башмачекъ и дающую глазу сквозь почти прозрачный чулокъ впечатлѣніе тѣла, онъ воскликнулъ:

— Смотрите, смотрите, вотъ что надо изображать, вотъ жизнь: женская нога изъ подъ края платья! Сюда все можно вложить,—истину, желаніе, поэзію. Нѣтъ ничего граціознѣе, ничего красивѣе, чѣмъ женская нога, и притомъ какая таинственность: вся нога спрятанная, теряющаяся и угадываемая подъ этою тканью!

Усѣвшись на полу по турецки, онъ схватилъ башмакъ и снялъ его; и нога, вышедшая изъ кожаныхъ тисковъ, задвигалась, какъ взволнованный звѣрекъ, удивленный тѣмъ, что его пустили на волю.

Бертэнъ повторялъ:

— Это ли не тонко, не изысканно! И матеріально, болѣе матеріально, чѣмъ рука. Покажите вашу руку, Ани!

На ней были длинные до локтя перчатки. Чтобы снять одну изъ нихъ, она взяла ее за верхній край и живо сдернула, выворачивая ее, какъ сдираемую со змѣи кожу. Рука показалась, бѣлая, полная, округленная, обна-